

Секция «Иностранные языки и регионоведение»

Речевые характеристики в изображении образа детей (на материале произведения У.Голдинга «Повелитель мух»)

Конопко Евгения Андреевна

Студент

Кемеровский государственный университет, факультет Романо-германской филологии, Кемерово, Россия

E-mail: JaneKonopko@yandex.ru

Исследование языка произведения и его речевой картины – одна из наиболее сложных и трудоемких задач в науке о языке. Художественное произведение многогранно. Язык в этом случае выступает как форма словесного искусства, как “целостное словесно-художественное единство”, “особый тип эстетической, стилевой, словесной структуры” [В.В Виноградов 1980: 227], и его изучение тесно связано не только с лингвистикой, но и с литературоведением и эстетикой.

Однако, несмотря на большое количество исследований, конкретное использование достижений современной лингвистики художественного текста носит пока малосистемный характер. В результате, как писал В.В.Виноградов: “Изучение языка художественного произведения и определение способов его лингвистического анализа это проблемы, которым у нас посвящено очень много статей и исследований, но которые еще очень далеки не только от научного решения, но даже и от более или менее удовлетворительного объяснения.” [В.В Виноградов 1980: 169]

Взгляд на чужую речь как на двустороннее, двуплановое явление, предполагающее, с одной стороны, понимание чужой речи как непосредственно того, что говорится другим человеком, т.е. содержания, темы, направленности на предмет речи, а с другой стороны, ее соотнесенность с чужим словом, чужой речью чрезвычайно ярко проявляется в такой форме речи как диалог.

Вопрос о диалоге в произведении У.Голдинга “Повелитель мух” очень непросто. Хотя диалогическая речь в составе повествования и включена в общий монологический контекст авторской речи, тем не менее, противопоставленность (либо сопоставленность) разговора персонажей повествовательному стилю всегда ощутима. В речи действующих лиц напряжены приемы культурно-бытовой и социально-характерологической дифференциации, что придает реалистичность диалогическому стилю. Однако зачастую писатель никак не может расстаться со своим героем, и речь героя, его интонация, его манера выражаться окрашивает, так или иначе, и собственную авторскую речь писателя.

Тем не менее, подобная степень проникновения особенностей строя речи героев в авторскую речь и наоборот наблюдается у Голдинга в романе “Повелитель мух” далеко не со всеми действующими лицами. Порой неожиданная в детях “взрослость”, серьезность, оформленная в тексте в виде сложных, логически стройных предложений выдает настоящего автора всех этих мудрых слов и мыслей. Происходит внутренне слияние авторского и персонажного начал практически только в речи таких героев, как Ральф, Саймон, реже Хрюша. “The rules are the only thing we’re got” [Golding 1982: 167], – говорит Ральф или автор устами своего героя. А вот что говорит Джек своим охотникам, и его слова дистанцированы от автора, в его речи звучит его собственные, джековские

интонации, грубая сила, неумность: “Bollocks to the rules! We’re strong – we hunt! If there’s a beast, we’ll hunt it down! We’ll close it in and beat and beat and beat!” [Golding 1982: 167]

Изображая чужую речь, Голдинг, несомненно, учитывал возрастную специфику своих персонажей. Он заботился, чтобы увлеченный развитием философско-притчевого сюжета, исполненного своим “недетским” смыслом, читатель все же не забывал, что перед ним дети. В тексте не раз встречаются “детские” формы слов, например, “beastie”, “snake-thing”. Следует обратить внимание и на такие характерные для определенного возраста и модные в определенный период словечки для выражения сильных положительных эмоций как “wacco”, “wizard”, “smashing”, а также для выражения душевного состояния – “barmy”, “batty”, “cracked”, “crackers”, “bomb happy”. Роман изобилует разного рода междометиями, выражающими восторг: “Gosh”, “Golly” и звукоподражательными словами: “wubber” “Whee-aa-oo!”, “Sche-aa-oo!”, что характерно именно для детей. Разговорная речь подростков со свойственными ей сокращениями (halt a sec, Gib, littleuns biguns), вулгаризмами (pills, Bollocks to the rules, Sucks to your ass-mar) в сочетании с распространенными в устной речи разговорными выражениями типа “Beast my foot”, “You can’t halt swim” очень рельефно выделяются на фоне литературного, грамотного слога автора.

Иногда несколько взрослее, чем можно было бы ожидать, выглядят мысли и речи героев. Так, Хрюша, изъясняющийся, как правило, все же на подростковом просторечии, оказывается способным на следующую тираду: “I’m scared of him, – говорит он о Джеке, – and that’s why I know him. If you’re scared of someone you hate him, but you can’t stop thinking about him”. [Golding 1982: 237] Хрюшины рассуждения действительно кажутся очень мудрыми, глубокими. Так мог бы сказать наблюдательный психолог, тонко чувствующий человеческую природу: “I know about people. I know about me. And him (Jack), he can’t hurt you: but if you stand out of the way he’d hurt the next thing. And that’s me” [Golding 1982: 276], – говорит он Ральфу. В подобных высказываниях героя явно проступает лик автора. Оставаясь незримым, он вкладывает свои тревоги в уста персонажей.

Таким образом, герои как будто вырываются из-под авторской опеки и сами создают поразительные образцы речевой характеристики. И все же герои – вымысел автора, они его дети, им возвращенные и им горячо любимые. Поэтому, наверное, писатель никогда не может остаться до конца беспристрастным. “В хорошем диалоге всегда можно почувствовать, на чьей стороне скрывшийся автор”. [Боровой 1969: 36]

Литература

1. Боровой Л. Диалог или размена чувств и мыслей. М., 1969
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
3. Golding W. Lord of the Flies. Moscow, 1982.